

УДК 94(81) “18”

Л.Я. КЛИМУТЬ

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 1834 г. В БРАЗИЛИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, СУЩНОСТЬ, ИТОГИ

Статья посвящена Дополнительному акту 1834 г., ставшему поправкой к Конституции Бразилии. В ней исследованы предпосылки, сущность и последствия реформы для истории страны. Автор подчеркивает, что введение Дополнительного акта 1834 г. напрямую было связано с политической борьбой в эпоху регентства.

Введение

Формирование нового независимого государства нередко сопряжено с трудностями. Это длительный и непростой процесс. Если рассматривать проблему создания Бразилии из бывшей колонии Португалии в ее историческом контексте, то сразу становится очевиден ряд отличий от соседних стран бывшей испанской Америки, определявшихся, прежде всего, тем, что здесь сохранялась монархия. Данная статья посвящена реформе Конституции Бразилии, которая имела весьма серьезные последствия для формирования государства и сыграла свою роль в том, какой эта страна является сейчас. Для того чтобы полнее раскрыть сущность проблемы, в статье также уделено внимание историческим условиям, в которых происходило реформирование конституции, предпосылкам и результатам реформы.

Истории Бразилии в целом и имперского периода в частности уделялось немного внимания в советской науке в силу определенных идеологических установок. В современной российской латиноамериканистике история Бразилии этого периода также пока изучена мало. Все это делает тему данной статьи еще более актуальной.

Основная часть

Что же собой представляла Бразилия в начале XIX века? Согласно «Кембриджской истории Латинской Америки» ко времени получения независимости в 1822 г. в Бразилии проживало 4–5 млн человек, из них около 800 000 – коренного населения [1, с. 679]. Плотность населения была неравномерной, наибольшая концентрация наблюдалась на Атлантическом побережье. Единственной густо населенной внутренней провинцией можно считать Минас-Жерайс – центр добычи золота в XVIII в.

Крупнейшим городом была столица Рио-де-Жанейро, в которой проживало около 100 000 человек. Второе место занимал Салвадор (60 000) [1, с. 679]. Менее трети населения было белым. Большинство составляли чернокожие и мулаты. Количество рабов в 1823 г. оценивается в 1 147 515 человек, т.е. 30% населения. По этому же источнику общее количество населения – 3 960 866 человек [2]. Большая часть рабов проживала в 5 из 18 провинций: Мараньян, Пернамбуку, Баия, Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро.

Хотя Бразилия потеряла свою монополию на производство сахара еще в XVII в., ко времени получения независимости сахар составлял 40% ее экспорта, хлопок – 20%. Однако наблюдается новая и, наверное, самая важная тенденция – увеличение экспорта кофе. В 1820 г. кофе составлял уже 20% бразильского экспорта [1, с. 680-681]. Для понимания ситуации важно отметить, что производительный сектор экономики был почти полностью в руках бразильцев, но торговлю контролировали иностранцы. В тех провинциях, где развивалось экспортное сельское хозяйство, а именно северо-восток (Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу), сложились сельские олигархии.

Но в Бразилии 1822 г. не было единства и не зародилось еще национальное самосознание. Достигнутая в 1822 г. независимость была неполной. Возможно, одной из основных причин более медленного складывания самосознания было то, что благодаря присутствию португальского принца переход к независимости произошел относительно мягко и сохранялась политическая и социальная стабильность.

В то же время не последнюю роль в событиях после независимости сыграла личность Дона Педру. Бразильцы того времени подозревали Педру в абсолютни-

стских устремлениях, а то, что император не порывал связи с Португалией, воспринималось бразильцами как защита португальских интересов и вызывало боязнь возврата к колониальному времени. Неудивительно поэтому, что правление Педру I было периодом постоянной политической напряженности и конфликтов, кульминацией которых стало его отречение в апреле 1831 г.

То, каким будет новое Бразильское государство, было предметом серьезных споров. Первая половина 1823 г. была отмечена ростом оппозиции императору. Как указывает М.В. Кирчанов, “политический национализм сторонников независимости Бразилии должен был рано или поздно столкнуться с политическими амбициями Педру” [3, с. 27]. Дон Педру понимал, что оттягивать проблему оформления государственности Бразилии далее невозможно, и основал Государственный совет, который должен был написать проект Конституции. Особенностью бразильской политической системы по этой Конституции было введение еще одной ветви власти – модераторной, или посреднической (некоторые исследователи также называют ее сдерживающей [3, с. 27]). Она давала императору право распускать палату депутатов и назначать выборы. В целом Конституция отражала высокую степень политической централизации: император назначал президентов провинций, провинциальные и муниципальные советы обладали лишь ограниченной властью. Это была самая длительная Конституция Бразилии, она была создана по образцу французской конституции 1814 г. и устанавливала наследственную католическую монархию во главе с императором.

Таким образом, роспуск Учредительной ассамблеи и принятие новой Конституции в марте 1824 г. начали новый этап в государственном строительстве Бразилии. Этот этап характеризовался ухудшением отношений между императором и его подданными. Недовольство выливалось в антипортугальские чувства, связанные с опасениями восстановления Португальской империи. Эти настроения проявились в восстаниях в Баии (1823) и в Пернамбуку (1824). Последним руководил радикально настроенный священник Фрей Канека. Из его высказываний становится ясно, что повстанцы воспринимали Конституцию как ограничение политической свободы Бразилии, так как ее провинции лишены автономии и полностью зависят от центральной исполнительной власти, которую Канека определил как вид “Азиатского деспотизма” [4, с. 67-75]. В либеральных кругах общества все более укреплялось мнение, что Педру действует в интересах португальцев, а его кабинет был, по существу, “португальским” [1, с. 685]. Бразильцы были уверены, что для Педру I национальные интересы Бразилии значат меньше, чем его династические интересы. Не стоит забывать и о том, что между императором и депутатами не было согласия по вопросу работорговли. Кроме того, не в пользу императора сыграла его неудачная и весьма затратная политика в Рио-де-Ла-Плате.

Однако было бы ошибочно предполагать, что Дона Педру поддерживали только португальцы. Бразильская элита считала монархическую форму правления гарантией стабильности, единства и порядка, и в обществе в целом идея монархии оставалась популярной. А Педру, герой борьбы за независимость и представитель дома Браганза, был единственным реальным претендентом на престол.

Ряд причин определял симпатии бразильцев в пользу монархии. Прежде всего, это уже названное беспокойство элиты, наблюдавшей, что творится в соседних бывших испанских колониях, и не желавшей оказаться в таком же политическом, социальном и экономическом хаосе. Только нейтральная единица, полностью независимая от партий, групп и противостоящих идеологий, могла

гарантировать стабильность страны без ущерба свободе ее граждан в соответствии с либерализмом того времени. Этот аспект подробно исследует Рикарду Саллес в своем труде “Имперская ностальгия” [5, с. 55].

Следующий немаловажный фактор – это приверженность монархической традиции. Монархия была единственным способом сохранить идентичность бразильского народа, происходившего из трех различных этнических групп (европейцы, африканцы и коренные американцы). Как пишет Жозе Карвалью, сильная привлекательность монархии для народа и более чем 300-летняя традиция (или 700-летняя с учетом португальской истории) дали возможность принцу Педру сыграть роль символа национального единства [6, с. 19]. Монархический режим, сохранившийся на бразильской почве, был “силой преемственности и традиции” [7, с. 128]. Кроме того, сыграл свою роль и тот факт, что Педру был героем борьбы за независимость Бразилии.

Третьим фактором в пользу монархии была необходимость учитывать политику основных европейских государств того времени. Бразильцы опасались, что европейские страны будут стремиться доминировать над молодой южноамериканской нацией, поэтому стремились избежать принятия республиканской формы и территориального распада на мелкие республики, слабые и постоянно соперничающие друг с другом. Сохранение монархии с монархом европейского происхождения во главе выполняло роль сдерживающего средства.

В целом, как видим, существование сильной оппозиции не означало, что в 1820-х гг. бразильская элита как класс выступала против императора. Кроме того, в стране были и абсолютисты, идеалом которых в любом случае оставалась монархия. Таким образом, Бразилия выбрала репрезентативную конституционную монархическую систему [8, с. 71]. Имперский режим основывался на идее о том, что суверенность (власть) заключена в народе, а не в государстве, символически представленном императором. В конституции это выражалось в том, что и император, и Генеральная ассамблея были представителями бразильского народа. Монарх представлял постоянные, общие интересы народа в целом, а Ассамблея представляла частные, временные, насущные интересы. Но император не был сувереном страны; сувереном был бразильский народ, который делегировал эту роль императору, как и Генеральной Ассамблее [8, с. 72].

Однако именно император был главой и государства, и правительства. На самом деле это был уникальный и особенный режим: президентская монархия. При этом индивидуальные гарантии были прописаны в Конституции и уважались. Император не мог действовать в тех областях, которые относились к компетенции законодательных органов и судебной власти, например, создавать законы или судить и выносить приговор. Ряд исследователей отмечают гибкость бразильской Конституции в смысле ее юридической интерпретации, которая предоставляла возможность создания особой парламентской модели [9, с. 261; 10, с. 233; 11, с. 233].

Модераторная власть также была важной составной частью этой государственной системы. Она была тем клапаном, “через который могла выйти парламентская анархия” [7, с. 125], другими словами, это минимизировало ущерб, вызванный спорами между соперничающими политическими фракциями. Жуан Камилду Торрес считает модераторную власть вполне адекватной ситуации, т.к. монарх не принадлежал ни к каким фракциям, мог не беспокоиться о преемственности и знал, что обеспечить будущее своих преемников – значит сохранять мир и процветание страны [8, с. 80].

Хотя многие бразильцы не стали бы поддерживать открытое восстание против императора из боязни уничтожить саму Бразилию, пропасть между Доном Педру и большинством его подданных расширялась.

Во второй половине 1820-х гг. развитие Бразилии отмечено глубоким внутривнутриполитическим кризисом. После смерти Дона Жуана в 1826 г. все более открыто стали раздаваться обвинения в адрес Дона Педру в том, что он хочет стать королем Португалии и присоединить к ней Бразилию. Экономическое и финансовое положение также было непростым. Хотя экспорт кофе стабильно рос, цены на основные экспортные товары в 1820-х гг. снижались [1, с. 689]. Дону Педру пришлось выпустить медные монеты, что привело к инфляции и появлению фальшивых монет. В 1829 г. был даже закрыт Банк Бразилии.

Политический кризис усугубляло народное недовольство. Независимость вызвала большие ожидания, а затем – вполне объяснимую фрустрацию. В таких условиях росли обвинения в адрес португальцев, которые контролировали многое в стране, а также в адрес императора, которого обвиняли в связях с его соотечественниками. Звучали требования изгнать португальцев.

Толчком к переходу от оппозиции к открытому восстанию стал кризис абсолютной монархии во Франции. В середине марта 1831 г. произошли знаменитые столкновения между сторонниками и противниками императора, получившие название “Ночь битых бутылок”. Поведение Дона Педру в сложившихся обстоятельствах было непоследовательным: сначала он подумывал о создании либерального “бразильского” кабинета, но затем внезапно заменил его более “португальским” кабинетом. Это и стало толчком к окончательному кризису Первой империи. Оказавшись без поддержки армии, но не желая уступать давлению, император отрекся от престола в пользу своего 5-летнего сына Педру. Толпа тут же провозгласила Педру императором. Поскольку он был еще очень мал, был создан Регентский совет.

Таким образом, период с 1831 по 1840 г. известен как период регентства. Именно в этот период и идет так называемая “борьба за Конституцию” и за пути дальнейшего развития Бразилии. Это было сложное время для Бразилии. М.В. Кирчанов пишет, что Бразилия функционировала как разорванная империя [3, с. 21]. На взгляд Л. Бетелла, отречение Дона Педру I, португальского принца, который привел Бразилию к независимости в 1822 г., в пользу сына, родившегося в Бразилии, означало национализацию трона и представляло собой завершение процесса независимости [1, с. 693].

Реакцией на отречение стали восстания, которые быстро были подавлены. Они были городскими и не связанными с республиканскими идеями. Общая черта восстаний в Рио-де-Жанейро, Салвадоре, Баии и Ресифи – антипортугальские настроения и поддержка федеративной политической структуры. Участию в восстании рабов способствовало то, что они расценили отречение императора как предвестие их освобождения.

Однако были и восстания в пользу восстановления на троне Педру I, например, война Кабанос в Пернамбуку (1832 – 1835). Ее движущими силами были мелкие землевладельцы, крестьяне, индейцы, рабы и поначалу некоторые сеньоры ди элженью. Только когда епископу Олинды удалось убедить повстанцев, что Педру I умер, а Педру II является законным императором, многие бунтовщики сложили оружие. В данном случае восставшие сражались за религию и императора, однако этот исторический эпизод скорее является исключением из правила, в целом же преобладали как раз противоположные настроения.

“Наибольшую выгоду от отречения императора и введения регентства получили те слои, которые поддерживали независимость от Португалии в 1822 г., но выступали против абсолютизма, излишней централизации власти и португальской политики и португальских симпатий императора” [1, с. 695]. Эти бразильцы называли себя “модерату” (умеренные), чтобы отличаться от крайних либералов или радикалов, среди которых были республиканцы. Они основывались на масонской традиции в создании своих организаций. В социальном отношении большинство были землевладельцы и рабовладельцы. Среди лидеров выделялись Бернарду Перейра ди Васконселос, Диогу Фейжо и Эваристу да Вейга. Под влиянием французских и американских идей они выступали за либеральные изменения в Конституции в направлении большей централизации, но всегда в рамках монархической модели. Некоторые были приверженцами федерализма по образцу США.

В целом первую половину 1830-х гг. можно охарактеризовать как период либеральных реформ. Главной движущей силой реформ 1831 – 1835 гг. была борьба за власть в провинциях и борьба против абсолютистского правительства. Регентство фактически само оттолкнуло от себя либералов, разочарованных тем, что первые шаги регентского правительства были направлены не против абсолютистских элементов в обществе, а против его бывших союзников.

Судебная власть и армия в глазах либералов представляли собой португальский колониализм, поэтому среди первых мер были реформирование старой судебной системы и создание Национальной гвардии на основе довольно демократичного имущественного ценза.

В 1830 г. был издан либеральный Уголовный кодекс, целью которого, среди прочего, было защитить политическую оппозицию от произвольных мер правительства, в частности военных судов. В 1832 г. был введен Кодекс уголовных процедур, который усиливал полицейскую и судебную власть мировых судей. Также Кодекс создавал новую должность профессионального судьи округа, назначаемого президентом провинции. Либералы видели в избираемых мировых судьях и жюри присяжных важнейший инструмент защиты личной свободы.

Статьи конституции, считавшиеся несовместимыми с либеральной системой, были пересмотрены. До этого, еще в 1831 г., регенты лишились права посреднической власти. Теперь же практически все полномочия, за исключением права назначать министров, сенаторов и президентов провинций, перешли к парламенту, от которого регенты почти полностью зависели. Таким образом, можно считать, что начало 1830-х гг. было периодом верховенства законодательной ветви власти.

Однако реформа самой Конституции оказалось нелегким делом. Самые горячие дебаты велись вокруг посреднической власти, Государственного совета и пожизненного назначения сенаторов, спорами сопровождалась и попытки усилить власть провинциальных институтов. Сенат возражал против большинства реформ, и его споры с палатой депутатов заняли почти три года. Наконец был принят компромиссный билль, приведший затем к Дополнительному акту в августе 1834 г.

Посредническая власть оставалась (но не в руках регентства), и сохранялся Сенат. Хотя президентов провинций продолжали назначать, провинциальные ассамблеи получили значительно большую власть. Кроме того, был решен вопрос о разделении доходов между центральным правительством и провинциями. В апреле 1835 г. регентом был избран либеральный священник и министр юсти-

ции Диогу Фейжо (к обязанностям приступил в октябре 1835 г.). Он правил авторитарно, не считаясь с Генеральной ассамблеей, и даже вступил в конфронтацию с Папой Римским, пытаясь отменить целибат в Бразилии.

В течение следующих двух лет (1835 – 1837) Бразилией управлял ряд либеральных кабинетов, но можно сказать, что пик движения за либеральную реформу подошел к концу. Оба аспекта либеральной борьбы – антиабсолютизм и антицентрализация – частично были удовлетворены. Однако самые радикальные требования потерпели поражение, т.е. в итоге умеренные либералы победили и радикалов, и абсолютистов. А смерть Педру I в сентябре 1834 г. уничтожила основания для существования реставрационистской партии. Разделение политических сил закончилось [1, с. 699].

Однако перенос либеральных идей и институтов в Бразилию не принес ожидаемых плодов. Расширение власти провинциальных органов имело свою негативную сторону. Избираемые мировые судьи зависели от местных боссов, а часто сами были представителями местной доминирующей элиты. Сложилась система, в которой главную роль в карьере играла взаимная поддержка. Хорошо известно, например, что мировые судьи защищали фальшивомонетчиков и работоторговцев. Кроме того, новые чиновники не были профессионально подготовлены к выполнению своих обязанностей, часто они даже не знали законов. Чиновники на местах не могли стать посредниками в местных конфликтах или в конфликтах могущественных боссов с центральным правительством, так как они сами принадлежали к местным фракциям и были включены в борьбу за власть. Доходило до того, что жюри присяжных редко рекомендовали суровые наказания из страха перед последствиями, если осужденный был связан с тем или иным кланом. Такая безнаказанность была обычным делом и в уголовных делах, к которым теперь относилась работоторговля, и в политических, когда лидеры восстаний отделялись легкими наказаниями или даже бывали оправданы. Необходимо подчеркнуть, что мягкие приговоры касались всех, независимо от богатства, поскольку в Бразилии редкий человек не имел связей или покровителей в верхах.

Еще одна серьезная проблема заключалась в том, что Акт передавал ассамблеям контроль над провинциальными и муниципальными делами и право назначать чиновников. Поскольку положения Акта были изложены в весьма расплывчатых терминах, возникла проблема интерпретации разделения власти между ассамблеями и центральным правительством. Ассамблеи расценили реформу как передачу им полной власти в провинциях. Некоторые ассамблеи даже создавали должности и назначали местных мэров. Единственными должностями, в которые они не вмешивались, были судьи апелляционного суда, персонал армии и флота и сами провинциальные президенты. Но они могли номинировать вице-президентов, которым нередко предоставлялась возможность осуществлять власть, т.к. президенты подолгу отсутствовали, заседая в национальном парламенте в Рио-де-Жанейро.

“Меры, предпринятые либералами, которые пришли к власти в 1831 г., и политическая децентрализация, начавшаяся после 1834 г., способствовали усилению борьбы за власть между фракциями внутри провинциальной сельской олигархии и облегчали ее. А это открыло дорогу к социальным конфликтам, которые были шире, глубже и опаснее для существующего порядка, чем все то, что происходило сразу же после кризиса 1831 г.” [1, с. 702]. Хрупкое политическое единство империи находилось под серьезной угрозой. Непосредственным

результатом Акта 1834 г. можно назвать взрыв местных восстаний. В 1835 г. разразились провинциальные восстания на крайнем севере и крайнем юге страны – в штатах Пара и Риу-Гранди-ду-Сул. За ними последовали восстания в Баии (1837) и Мараньяне (1838). Их объединяет то, что все они были федералистскими, а некоторые, включая самые серьезные и продолжительные, имели сепаратистскую окраску.

Разочарование осуществлением на практике либеральных реформ 1831 – 1834 гг. и волна восстаний, охвативших страну, способствовали ускорению организации политических сил и формированию двух партий – Консервативной и Либеральной, которые будут доминировать в политике в период Второй империи.

Критика либеральных реформ раздавалась уже в 1835 г. Вскоре сформировалась идея “регрессу” – возвращения к порядку. Возникла сильная группа оппозиции, вскоре ставшая большинством в палате депутатов и составлявшая ядро будущей Консервативной партии. Фейжо, неспособный справиться с оппозицией в конгрессе, в немалой степени из-за своего собственного авторитарного характера, и под тяжестью обвинений по поводу того, что он с недостаточной энергией разбирается с восстанием в Рио-Гранди-ду-Сул, среди лидеров которого был один из его кузенов, в сентябре 1837 г. подал в отставку. Состоялось новое избрание регента, и результаты показали, что новая консервативная тенденция преобладает во всем государстве [1, с. 710]. Выборы новой законодательной власти уже шли в том же направлении: были переизбраны все лидеры оппозиции.

Следует отметить, что Бразилия в конце 1830-х – начале 1840-х гг. находилась в весьма сложном положении не только из-за многочисленных восстаний и экономических проблем. Сами высшие классы еще не были готовы мыслить в терминах управления посредством государства. Поскольку не совпадали интересы, например, землевладельцев и торговцев, не могло быть и речи о выработке какого-либо консенсуса касательно государственной модели, наилучшим образом защищающей их интересы. Фактором, изменившим сознание правящих классов, стал новый экономический бум, основой которого был кофе. Экономические интересы способствовали сближению политических интересов и формированию в своем роде политического самосознания у бразильской элиты, а затем и осознанию необходимости новой централизации страны. Личные интересы и нужды государства совпали здесь наилучшим образом. Кроме того, не будем забывать и об идеологической работе и пропаганде через газеты, формировавшие общественное мнение.

Первым регрессионистским законом была “интерпретация” Дополнительно-го акта в мае 1840 г., в результате чего значительно ограничивалась власть провинциальных ассамблей. В ответ на эти меры либеральное меньшинство в палате депутатов решило продвигать идею досрочного совершеннолетия императора. Это предложение не было чем-то абсолютно новым, после 1835 г. не однажды звучало мнение о том, что признание императора совершеннолетним усилило бы легитимность центрального правительства. Однако в 1840 г. меняется подоплека этой идеи. Если раньше ее поддерживали консерваторы, считавшие необходимой централизацию власти, то теперь ее начали пропагандировать либералы, выступавшие за большую автономию провинций и рассчитывавшие в этом, по-видимому, на малолетнего императора.

В целом реформы были достаточно обширными. Был восстановлен контроль центрального правительства над административной и судебной структурой империи, правительство опять начало увеличивать размер армии [1, с. 714-715].

В 1844 г. либералы опять пришли к власти. Таким образом, страх перед постоянной монополией власти консерваторами был уничтожен, и начала создаваться система, в которой обе партии или коалиции попеременно сменяли друг друга у власти. При этом либералы нашли полезным сохранить регрессионистские законы 1840 – 1841 гг., чтобы усилить закон и порядок, осуществлять патронат и выигрывать выборы.

Заклучение

Будучи изначально поправкой к Конституции, Дополнительный акт 1834 г. оказался определяющим документом для дальнейшей судьбы Бразилии. Главной движущей силой либеральных реформ, частью которых был и Акт 1834 г., была борьба за власть в провинциях и борьба в городах против абсолютизма. Либеральные реформы повлекли обострение этой борьбы и привели Бразилию на грань распада на отдельные мелкие государства.

В то же время введение в действие Дополнительного акта способствовало организации политических сил на идеологической основе: произошло явственное разделение на консерваторов и либералов, и возникли соответствующие фракции в палате депутатов (а в будущем и партии). Поляризация способствовала более ясной выработке основополагающих положений того или иного политического течения. В свою очередь, осознание правящим классом размаха народной борьбы и сползания страны в пучину анархии помогло объединить усилия для выхода из ситуации. Фактически с 1837 г. консерваторы начали процесс политической централизации страны. В этом процессе путем проб и ошибок выработалась система ротации власти между консерваторами и либералами, что позволило Бразилии сохраниться как стране и обеспечить различным секторам общества (но не всем) участие в политической жизни.

Таким образом, Дополнительный акт 1834 г. и ряд сопутствовавших ему либеральных реформ, с одной стороны, ввергли страну в период нестабильности и напряженной борьбы за власть, но, с другой стороны, результаты этих реформ изменили мировоззрение бразильцев и способствовали выработке новых способов решений политических проблем. От вооруженной борьбы, разрывавшей общество, Бразилия постепенно переходила к сотрудничеству на политической арене. То, что могло бы погубить Бразилию, открыло путь к ее спасению и дорогу к капиталистической модернизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Cambridge History of Latin America: in 10 v. / edited by L. Bethell. – Cambridge University Press, 1985. – V. 3 : From Independence to c. 1870 / L. Bethell. – 1985. – 919 p.
2. Memoria Estatística do Imperio // Kevisla do Institute Histórico e Geográfico Brasileiro. – LVIII. – I. – 1959. – P. 91–99.
3. **Кирчанов, М.В.** Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж : Научная книга, 2008. – 155 с.
4. **Frei Caneca.** Ensaios politicos / Frei Caneca. – Rio de Janeiro, 1976. – 106 p.
5. **Salles, R.** Nostalgia Imperial / R. Salles. – Rio de Janeiro : Topbooks, 1996. – 212 p.
6. **Carvalho, J.M. de.** A Monarquia brasileira / J.M. de Carvalho. – Rio de Janeiro : Ao Livro Técnico, 1993. – 186 p.
7. **Sousa, G.** Introdução à história do Direito Político Brasileiro / G. Sousa. – 2 ed. – São Paulo : Saraiva, 1962. – 128 p.
8. **Torres, J.C.** A democracia coroada / J.C. Torres. – 2 ed. – Petrópolis : Vozes, 1964. – 568 p.

9. **Holanda, S.B. de.** O Brasil Monárquico: o processo de emancipação / S.B. de. Holanda. – 4. ed. – São Paulo: Difusão Europeia do Livro, 1976. – 410 p.
10. **Lima, O.** O movimento da independência / O. Lima. – 6 ed. – Rio de Janeiro : Topbooks, 1997. – 493 p.
11. **Bonavides, P.** Reflexões: política e direito / P. Bonavides. – 2 ed. – Fortaleza : Imprensa Universitária, 1978. – 425 p.

Поступила в редакцію 19.10.2011 г.